

Глава 22

Сделано на месте

Сун Цяньцзи не знал, что у ворот его двора его уже ждут двое, да ещё и поспорили, вернётся он этой ночью или нет.

Спустившись в полной темноте на пятьдесят с лишним ступеней, он вдруг оказался в светлом помещении. Это был не тёплый свет фонарей или свечей, а ровное, холодное сияние, исходящее от четырёх стен.

Стены были усыпаны тысячами жемчужин, и находиться здесь было всё равно что парить среди звёзд — зрелище, поражающее своей расточительностью.

Сун Цяньцзи прошёл сквозь это звёздное море, миновав три двери с надписями:

«Духовные травы и пилюли», «Техники и тайные руководства», «Магическое оружие и материалы»...

Каждая дверь была защищена формацией, и в каждой было лишь небольшое отверстие размером с чашу.

Он остановился перед четвёртой дверью и постучал.

Из отверстия донёсся холодный, старческий голос:

— Покупаешь или продаёшь?

— Продаю талисманы.

— Талисман вскармливания ци — двести, талисман сбора ци — двести пятьдесят, талисман слежения — триста...

— Я продаю только талисман вскармливания ци, — прервал его Сун Цяньцзи.

— Сколько у тебя?

— Один.

За дверью воцарилась тишина.

Сун Цяньцзи почти физически ощутил разочарование собеседника.

«С такой мелочью, меньше комариного писка, стоило ли вообще в чёрную лавку тащиться?»

— Просовывай, — устало произнёс старческий голос.

Сун Цяньцзи потёр нос:

— У меня его с собой нет...

Не успел голос за дверью ответить, как сзади раздался низкий рык старого лавочника:

— Молодой человек, мне всё равно, из какой ты семьи. Неужели старшие не учили тебя, что за забавы с чёрной лавкой приходится платить?

Сун Цяньцзи обернулся к нему:

— Одолжите, пожалуйста, бумагу для талисманов, киноварь и кисть.

— Ты собираешься писать его прямо здесь? — повысил голос человек за дверью.

— Это будет быстро, — кивнул Сун Цяньцзи.

Молодые мастера талисманов перед созданием артефактов обычно закрывались от всех, принимали ванну, воскуривали благовония и несколько дней медитировали, чтобы достичь пика духовной концентрации. Лишь в состоянии полной гармонии они принимались за работу, исписывая множество листов, пока не иссякали духовные силы и сознание не мутилось. Малейшее отвлечение, ослабление нажима кисти — и талисман считался испорченным.

Обычно мастера талисманов осмеливались пробовать создавать артефакты на ходу, лишь достигнув стадии Золотого ядра.

— Ха, что ж, полюбуюсь. Сяо Чжо, дай ему всё, что нужно.

Старый лавочник явно не верил, что этот нищий юнец на стадии Переработки ци, у которого не было денег даже на цитру, способен на что-то путное. Он многое повидал, но если такие оборванцы теперь стали мастерами талисманов, это было бы оскорблением для всей профессии.

Помощник принёс поднос. Кроме того, что просил Сун Цяньцзи, на нём стояли курильница, чаша с чистой водой и чистое полотенце.

Сун Цяньцзи не стал ни мыть руки, ни зажигать благовония.

Он одной рукой прижал бледно-жёлтый лист бумаги к двери, а другой взял кисть и обмакнул её в ярко-красную киноварь. Он даже не выпрямился до конца, словно писал долговую расписку хозяину уличной забегаловки, где поел в долг.

Он занёс кисть, на мгновение прикрыл глаза и начал писать.

Там, где проходила кисть, на бумаге рождался удивительный, почти живой узор. Духовная энергия, хлынув из его пурпурного дворца, прошла по меридианам и акупунктурным точкам, сконцентрировалась в киновари на кончике кисти и, следуя за каждым движением, влилась в бумагу.

Сун Цяньцзи закончил. Ярко-красные линии на талисмানে вспыхнули и, казалось, налились весом.

— Готово, — он просунул талисман в отверстие.

Всё произошло в мгновение ока.

Безупречно, на одном дыхании, прямо на месте.

Старый лавочник онемел. Помощник растерялся, не зная даже, получился талисман или нет.

Из-за двери не доносилось ни звука.

— Деньги, — поторопил Сун Цяньцзи.

— Я не разглядел. Напиши ещё один! — первым пришёл в себя лавочник. Его взгляд стал жадным. — Бумаги хватит. Дам триста! Какие ещё талисманы умеешь?

Сун Цяньцзи покачал головой:

— Двести за один. Как договаривались.

— Кроме цитры, тебе ведь наверняка нужно что-то ещё! — заволновался лавочник.

— Больше ничего, — ответил Сун Цяньцзи.

— Молодой человек, у нас тут и шпильки, и пудра, и пилюли для сохранения молодости — всё,

что нужно для подарка девушке-совершенствующейся. Подумай хорошенько, тебе точно что-нибудь понадобится!

Сун Цяньци начал терять терпение. Время шло.

— Мне нужна гора, — он приподнял бровь. — Можете дать?

— Гора? — опешил лавочник.

«Он имел в виду... настоящую гору?»

Такая просьба была совершенно неожиданной.

— Насчёт горы... мне нужно посоветоваться. Приходи завтра в это же время.

«Ага, как же, — подумал Сун Цяньци, — чтобы я завтра в это время не лежал у себя во дворе, глядя на звёзды, а снова любовался на ваши фальшивые жемчужины на стенах?»

— Деньги, — он снова постучал в дверь.

Из отверстия протянули мешочек для хранения. Вслед донёлся изумлённый голос:

— Ты действительно мастер талисманов? Но в тебе совершенно нет ауры создателя талисманов.

Как у мечника есть аура меча, так и у человека, часто держащего в руках кисть, манера поведения отличается от обычной.

— Я не мастер. Так, умею немного, — Сун Цяньци взвесил мешочек в руке и, удовлетворённый, бросил его лавочнику. — На цитру.

— Это называется «умею немного»? Тогда я все эти годы... — пробормотал голос за дверью, но Сун Цяньци уже поднимался наверх и не расслышал.

Он услышал лишь, как помощник Сяо Чжо колотит в дверь и кричит:

— Чжэн-лао, последующие волны Янцзы подгоняют предыдущие, так что не отчаивайтесь!

Лавочник и сам был близок к отчаянию.

Этому парню на вид не больше пятнадцати, уровень развития — не выше поздней стадии Переработки ци. Носит одеяние ученика внешней школы Хуавэй, одет небрежно, беден и скуп.

Он не должен был прийти закладывать меч, не должен был уметь создавать талисманы, и уж тем более не должен был знать о существовании чёрной лавки.

Сплошная загадка.

Согласно правилу трёх «не» — «не спрашивать о происхождении, не спрашивать о пути, не спрашивать о жизни и смерти» — он не имел права задерживать его. И тот, казалось, был уверен, что он будет свято блюсти правила, и ушёл без малейшего беспокойства.

Он видел много тайн этого мира. Тайны великих семей, великих школ, могущественных мастеров прошлого часто были ужасны, отвратительны и гнусны, отдавали гнилью и тленом и были готовы кануть в лету.

Но эта тайна была другой. В ней была жизнь, энергия, она была подобна пробивающемуся из-под земли ростку и потому не давала ему покоя.

Он впервые видел такого молодого мастера талисманов, владеющего столь совершенной техникой. Учёные мужи из Академии «Зелёный Утёс», что целыми днями корпели над каллиграфией, в искусстве талисманов и в подмётки ему не годились.

Абсолютный гений. Почему же он неизвестен, не гонится ни за богатством, ни за славой, и дошёл до того, что закладывает меч ради цитры?

— Пятнадцать-шестнадцать лет...

После ухода Сун Цяньцзи лавочник погрузился в воспоминания.

Старый хозяин, когда создавал талисманы на ходу, был примерно в этом же возрасте.

Ночь стала глубже, луна — ярче.

Даже бродячие кошки и собаки, устав, заснули. На длинной улице хозяйничал лишь ночной ветер.

Сун Цяньцзи шёл, неся за спиной футляр с цитрой, и лунный свет струился за ним.

В прошлой жизни он часто бывал в подобных местах и хорошо знал профессиональную этику обитателей чёрных лавок. Беспокоиться было не о чем.

Фонари перед ломбардом мерцали, как два блуждающих огонька.

В конце улицы показался ещё один человек.

Он был одет в рваную мешковину, один башмак потерян. Он шатался из стороны в сторону, несколько раз чуть не упал, но в последний момент удерживал равновесие.

Нежный весенний ветерок донёс до Сун Цяньцзи запах дешёвого вина.

«Пьяный бродяга, — подумал Сун Цяньцзи. — Заблудился»

В любом, даже самом благополучном городе, всегда найдутся свои отбросы. Пока они не трогают совершенствующихся и не мешают простому люду возносить молитвы, школе Хуавэй до них нет дела.

В городе Хуавэй тоже было полно таких бродяг.

В прошлой жизни, спасаясь бегством, Сун Цяньцзи хорошо изучил этот контингент: воришки, пьяницы, мошенники, спящие под мостами. Крупных преступлений не совершают, но и спокойно не живут.

На улице были только они вдвоём.

Бродяга вдруг пошёл прямо на него. Сун Цяньцзи посторонился, собираясь поддержать его:

— Осторожнее.

Тот снова качнулся, ловко увернувшись от его руки. Он что-то неразборчиво пробормотал, не похожее на благодарность, и, не открывая глаз, прошёл мимо.

Когда они поравнялись, Сун Цяньцзи мельком взглянул на его лицо.

Молодое, совершенно обычное, такое, что и не запомнишь.

Сделав три шага, Сун Цяньцзи нахмурился, почувствовав неладное.

Что-то было не так.

Точно, он ведь только что видел его, но уже не мог вспомнить, как тот выглядел! Словно и не разглядел его лица!

«Искусство сокрытия облика. Это совершенствующийся!»

Такой же, как и он, ночной посетитель чёрной лавки.

Удивление Сун Цяньцзи было мимолётным. Он не остановился и тем более не обернулся.

Какое ему дело до того, кто это был?

Нужно отдать цитру Хэ Цинцин, чтобы эта девушка больше не плакала над его огородом — вот что сейчас было важно.

Пьяный бродяга ввалился в дверь ломбарда.

— Вэй Пин! Ты пришёл, — Сяо Чжо усмехнулся и, подойдя ближе, со злорадством спросил: — Что, твой меч опять сломался?

Юноша по имени Вэй Пин поднялся с пола:

— Если мой меч не будет ломаться, у вас что, дела будут?

— Не хочу хвастаться, но у нас сегодня и так дела идут отлично. Только что один человек цитру покупал.

Вэй Пин не поверил. Его взгляд упал на прилавок.

Стол был заставлен цитрами, которые ещё не убрали. Среди блеска драгоценностей и перламутра затесался ничем не примечательный длинный меч.

Старый, простой, без изысков.

Словно фазан, случайно затесавшийся в стаю фениксов. Нет, назвать его фазаном — и то было бы комплиментом, подумал Вэй Пин.

— Эта кури... то есть, этот меч почём? — спросил Вэй Пин.

— Давай двадцать духовных камней! — ответил Сяо Чжо.

— Брехня, максимум десять! — Бродяга по имени Вэй Пин, очевидно, тоже был не при деньгах, но куда наглее Сун Цяньцзи. Он со смехом хлопнул по столу десятью камнями, схватил меч и направился к выходу. — Ни камня больше!

— Нельзя, — лавочник, очнувшись от своих мыслей, увидел, что Вэй Пин вертит в руках старый меч, оставленный Сун Цяньцзи. — Этот я не продаю. Возьми другой.

Вэй Пин обернулся и, приподняв бровь, улыбнулся:

— Не возьму. Этот мне по душе. Деньги уплачены, товар мой.

Эта улыбка озарила его заурядное лицо таким сиянием, что затмила блеск всех драгоценных цитр в лавке.

<http://bllate.org/book/16982/1585707>